
Александр ЗАРЧИКОВ

ЗАПИСКИ ШТУРМАНА «СОКОЛА»

Рассказ

Порт Пластун. Вахта у трапа

Наш пузатый сухогруз,
Пустобрюхий на погруз,
У причала, где гора
Деревянного добра,
Открывает все трюма.

Проходя мимо Токийского залива и огибая выпирающий в океан изгиб японского архипелага, настроил и закрепил морскую монтажку. Ноябрь в здешних краях славится лютыми циклонами и прочей океанской дрязгой. Несколько дней назад, переваливаясь на океанской зыби, качнулись так, что незакрепленный монитор ушел в палубу вместе с клавиой и всем, что было на столе. Но слава богу, уцелел! Фильмы, в которых море имеет весомый объем, продолжают монтировать в морских условиях при эмоциональной и деловой поддержке моих друзей и знакомых. Надеюсь, что зрителей, когда фильмы (а их три) дойдут до экрана, не укачает ритмом океанских волн, значительно влияющих на процесс работы, темпы их создания, а главное — на атмосферу зыблемой морской поверхности.

Все идет по кругу

Все идет по кругу. Когда-то мы снимали «Половинки» про распилы и распиленные судьбы моряков. Теперь я в другой роли — в роли одного из героев своего фильма, опять на пароходе. Идем из Японии с грузом техники на родину. И опять распилы, только на этот раз это гигантские кузова карьерной спецтехники. Зачем-то японцы их расчленили, наверное, для упрощенной доставки до судна и далее в глубинку арктических просторов золото- и алмазонасной замороженной тверди. Можно представить это движение металла, который едет в Страну восходящего солнца из нашей страны и разных других точек земного шара, а потом, превращенный в технологических монстров, возвращается, чтобы снова и снова вгрызаться в глубь замороженной тверди. Можно ощутить себя звеном цепи этого гигантского круга, выполняющим свою маленькую работу, совсем невидимую с точки зрения масштабного движения масс вещества.

Александр Игоревич Зарчиков родился в 1974 году в Южно-Сахалинске. Первая специальность — «Инженер-судоводитель», вторая — «Режиссер неигрового кино». В «Неве» публикуется впервые. Живет в Санкт-Петербурге.

Все по кругу, и круг одного порядка перекрывается кругом другого, усиливая и двигая события в непредсказуемость, разрушение и хаос.

Природа звеньев этой цепи не выдерживает нагрузки, и только разумное действие способно остановить буйное движение остервеневшей материи.

Нужно найти правильное решение — укрыться от штормового ветра, способного смести все фигуры с игровой доски, дабы продолжить игру по которому уже кругу.

Когда я начинал делать свои фильмы, я начисто был оторван от конъюнктуры кинопроизводства и выражал только лишь то, что вообразил себе, интегрируя увиденное в своем воспаленном воображении, почти не оглядываясь на зрительское восприятие. Однако со временем, проникая в кинематографическую среду, стал ловить себя на потугах следовать в ногу с тенденциями современности. И чем больше эти телодвижения не находили отклика в киносообществе, тем больше чувствовал разочарование. Ведь изначально мне было не до фестивалей, признания и т. п. Хотелось просто работать. Это началось с намерения работать с проектами, требующими вложений, с желанием получать зарплату за свою работу. Казалось, что нет признания — нет зарплаты, нет финансирования. Фильм «Половинки» я делал с оглядкой на киносообщество, на то, «как надо делать авторское кино». Но все оказалось не так.

Быть свободным в своем выражении мира, наверное, можно. Но когда свирепствует циклон с сильным ветром, незакрепленные объекты уносит. И тогда снова движение по кругу. По кругу, и только.

Но где-то должно быть то, что формирует свое, выходящее за границы круга, а может, наоборот? Непривязанное, непредвзятое, но способное держать форму. Где-то внутри. В центре круга, циклона, урагана. Как нащупать этот новый виток для творчества?

Все идет по кругу.

Пролив Лаперуза

Заступил на вахту вместе с воскресными лепешками и сметаной в животе. Погода пасмурная. Вышел на крыло — дует холодом, зашел обратно. Пофоткал капельки на стекле. Капельки всегда приятно фоткать. От них потом много лайков и пряников. Слева вулкан Риссири, напудренный белой мишурой. Глядят из-под тучи лавинные снежные заряды. Справа берег острова Хоккайдо. Какой-то рыбак крутится на белоснежной, как принято тут называть, шхуне, напоминающей паркетную яхту. С какой стороны его обходить — непонятно.

Туча совсем обнаглела и обняла вулкан, так что и нет его теперь, а только туча и туман. Может, и вправду там не снег, а волшебная мишура?

Поупражнялся в тестах космической радиосвязи. Подзабыл навыки. Наконец принтер со страшным матричным скрежетом разродился правильной бумажкой. Зер гут.

Пока мыкался с тестом, на радаре из-за мыса Носяпу высыпала шустрая компания — флотилия. Мелюзга, но много. Вот черти. Числом больше десятка. Все идут наперерез. Справа это опасно. Надо что-то делать! Но они мелкие, а я большой. Вот черти! Ну их на фиг! Позвонил капитану. Пока капитан поднимался, флотилия разделилась. Одни взяли по носу, другие по корме. Мы подвернули, на всякий случай, немного влево. Все протиснулись, все довольны.

Немного понервничал, пора бы и покурить. Сигареты забыл. Эх! Придется бросить до конца вахты.

Опять изо всех щелей лезут навигационные предупреждения. Намаешься с ними.

Пока равнялись по траверзу с мысом, посмотрел еще один клип конкурса видеоклипов «Отклик». Берега Сахалина с наряженными девушками выглядят иначе, чем

с туристами, жрущими краба. Чувствуется что-то непонятное и несбыточное, но важное и высокое!

Выходим в Лаперузу. Володя Грышук прислал рецепт от холеры из ведра водки. Жаль, водки у нас нет. Сухой закон, дисциплина и изоляция в одном лице. А так хочется порой по бактериям ударить ароматным и ядреным букетом! Ну да ладно, успеем еще, когда сойдем по трапу.

Из Вакканая выходит наперерез старый наш рыбак «Нептун-2». Наверное, краба привозил японцам. От ковида, говорят, полезно. Направляется в Холмск. Лихо прошмыгнул перед носом со своими девятью узлами. Такой старый, что непонятно, как его паровая труба на ржавчине держится.

Слева в Лаперузу заходит контейнеровоз «Зея». Там старпомом девушка Лена. Помним, знаем, уважаем!

А вот и родные берега острова! Что ни говори, а приятно! Прямо потеплело на душе, хотя идем-то на север! И такие родные голоса моряков на радиоволне, и милейшие погранцы — Лебеди! Что ни говори, а у погранцов мыс Крильон — пост номер один! Респект Крильону, он хоть и с французским привкусом, но суров и статен. А за французом Крильоном (чутко направо берем) милейшая Анастасия.

Приехали!

Тайфун

Тайфун, пришедший с Тихого океана, накрыл Охотское море и вместе с ним острова и полуострова, гряды и бухты, заливы и кекуры. Проклятый ветер поднял пятиметровую волну, прогнав с серой поверхности холодного моря мелкие и среднетоннажные суда, загоняя их под прикрытие островов и полуостровов.

Напротив поселка Муравьева и мы встали на якорь. Переждать шторм. На мостик поднялся матрос Рома. Рома — житель Приморского края, с берегов знаменитого озера Ханка. Наблюдая в бинокль за берегом, Роман быстренько сообщил:

- Это кедрач, а это браконьеры!
- Это почему же сразу браконьеры? — решил я вступить.
- Так я сам браконьер. Знаю! — по-деловому решил Рома.
- А кедрач у нас и не растет! У нас шишки кедровые прямо на кустах растут, за ними даже лазить не надо!

Рома чуть не выронил бинокль от неожиданности.

- Много? — удивленно уперся в меня с хитрым прищуром.
- Хватает!

Ночью снялись с якоря и, обогнув незрячий в потемках мыс Анива, взяли курс на Магадан. До Терпения шли спокойно. Даже хорошо шли! Как обычно, в Охотском море пароходов мало, поэтому на вахте успел откорректировать в картографии несколько новых японских территорий — маленьких островков в Йокогаме. Это то еще удовольствие! Насыпят наши соседи новых островов там у себя, а русский человек мучайся, заноси их на карты.

Поднялись повыше. Где-то на подступах к пятидесятой широте началась свистопляска. Сначала в каюте улетел стул. Хорошо, остальное убрал на пол и закрепил. Потом на вахте стали улетать друг за другом папки с документами, вентилятор, чайник, стул в радиорубке, радиостанции. На камбузе улетали мясорубки и кофемолки, кастрюли и ковшики.

У боцмана в кандейке болгарки и клещи. У электромеханика паяльники и кусачки. У матросов цепи и веревки. У механиков было все закреплено и ничего не улетело. У них там вообще внизу спокойно и шумно.

А у нас наверху сплошные качания и нервное. Когда от очередного ныряния с волны в пучину хлопала дверь в радиорубке, мы с рулевым решали, что радист снова закрылся у себя! Хотя, конечно, никакого радиста тут нет. Получается, радиста нет, а радист закрылся. Обычное судовое привидение, ничего особенного. Радист у нас — это второй помощник, то есть я. Нет, я не привидение, это радист — привидение. Он же (я) и по пожарке, и по спасению, он же и секретарь-делопроизводитель. И уж потом штурман. Как бесплатное приложение.

А пароход между тем все больше и сильнее подпрыгивал и переваливался на волне. На вторые сутки мы перестали поднимать упавшие на палубу предметы. Перестали бриться и умываться утром. Некоторые перестали есть и спать. Ходить по-большому. Сменившись после ночной вахты со страшным желанием уснуть, я понимал, что сделать это не удастся. Кроме желания забыться во сне, других не было, поэтому в течение многих часов я пытался найти положение на кровати, в котором можно было бы перешагнуть через границу бодрствования. Главное — перешагнуть, думал я. Но ноги вдруг сами пытались перешагнуть через тело, тело, того и гляди, то скатывалось в переборку, то пыталось свалиться с кровати.

Подумал про мед, который есть в кают-компании, как про снотворное. Пока пил чай с медом, появился моторист и рассказал, как с механиком в машинном отделении падали со ступеней по очереди.

Вернувшись в каюту, освободил диванчик и лег поперек. Несмотря на то, что сверху что-то капало, удалось забыться минут на сорок, и опять на мостик.

Где-то на третий-четвертый день шторм стал утихать. И время пошло повеселее. После шторма и жить, и есть захотелось. Заступил на вахту после плотного обеда. Преодолеваю шесть этажей. Капитан на мостике обращает мое внимание на дельфинов. Успеваю увидеть только пару всплесков.

— К чему это они, к деньгам?

Капитан в ответ:

— Это вряд ли, Игоревич, зарплата еще не скоро! Не заработали пока.

Проходим банку Кашеварова. На ней копошатся, словно жуки, рыболовные суда. Пара съездов. Один — XX ВЛКСМ, другой — XXVII КПСС. Наверное, древние, как само Охотское море. А ведь было время! Съезды, демонстрации, флаги, вымпелы! Страна большая и разноцветная! Мама рассказывала, как школьницей ездила на ВДНХ с гигантскими кабачками, выращенными в школьной сахалинской теплице. А я был барабанщиком. Трам-тарам-там-там! Равнение на знамя!! Штурманы на мостике в форме ходили! А сейчас что! Тьфу, прости господи. Срам флоту. Ладно, проехали. Пускай копошатся в своей банке. Впереди другие времена!

Проехали Охотское море, заходим в Тауйскую губу, до входа в бухту Нагаево и направо. Да тут зима, братцы!

Вот уже сколько месяцев прошло, а колымчане не изменились! Не хочется думать, что не изменились они со сталинских времен. Несмотря на морозы и красиво лежащий на сопках снег, моряков в город из порта не выпускают. Все наши в расстроенных чувствах. Ну что тут поделаешь! Накатал письмо в прокуратуру и местному губернатору.

Нефтяные платформы

Северо-западная часть Охотского моря — это какой-то медвежий угол. Двое суток ни души. Нет тут ни китов, ни рыболовецких судов, ни грузовых. День, не успев начаться, заканчивается, и судно качается с борта на борт в кромешной тьме. На душе кошки скребут, да так, что курить не в кайф.

Но вот появляется полуостров Шмидта, северная оконечность Сахалина. Жмемся к границе, чтобы качало поменьше. Солнце скачет на носовой мачте, и волны дружески похлопывают по пустому боку.

Словно конь в поле, стоит столпом нефтяная платформа ПБ-А. Потом Моликпак, потом Беркут. Все они похожи на одиноких коней.

Солнце в огненном зареве падает на третьего коня. Вот и ангел вострубил, и вахта кончается, и находит тьма египетская, и скрип на душе словно рессора в кибитке, и цоканье копыт словно биение сердца.

Гой ты, Русь моя, поле бескрайнее, тебя ни конем, ни японским «камацу», ни Бел-АЗом не объехать. И горячо по венам переливаются воспоминания о беспокойном лете. Заполнить правый донный пятый вечерней Москвой!

Фудзи

Северо-восточное побережье Японского моря. Залив Исикари. Мы следуем на юг, завернув в Исикари от встречного течения Куроисио. Электромеханик, он же Сэм, ведет расследование. Ищет, кто съел его яичницу. Не чувствую за собой вины. Подумаешь, яичница!

Все время, когда не на вахте, хочется спать. Ночью на вахте плавно качающиеся звезды и спокойное море, не так, как в Охотском. Идем прямо на Орион. Потом Орион уходит на восток, и приходит старпом.

Третий помощник страдает перхотью, так, наверное, думают все матросы, которые поднимаются на мостик делать уборку. Третий, или в моем случае второй, регулярно резинкой стирает с карты старые прокладки — курсы, точки. От этого появляются хлопья, напоминающие крупную перхоть.

Боже, еще пять месяцев впереди! Как не сойти с ума? Поговорить не с кем. Всё в себе. Прочитал «Госпожу Бовари». Понимаю ее.

Второй механик периодически звонит из своего подземелья, спрашивает, где мы едем. Ну не все ли равно?! Еще несколько месяцев где-то ехать! Где-то вокруг Японии. Все движется вокруг Японии.

На Сахалине сел на мель пароход. От прошлой посадки остался недоделанный фильм. «Неплохой выходной». Тяготит недоделанное, невысказанное...

Когда шли в Магадан, слушал аудиокнигу «За миллиард лет до конца света». Ничего личного. Просто захотелось. Когда стали спускаться из Магадана в тепло, решил посмотреть «Дни затмения». Оказалось, что второе снято по мотивам первого. Мистика.

В Магадане обыск, в Японии обыск, во Владивостоке опять обыск.

В Пластуне холод собачий. Опилки и злой старпом. Сбежал с парохода на пару часов. Полный автобус молодых женщин из порта в центр поселка. Темень, хоккейная площадка и три алкомаркета. Жить можно.

С нашими опилками да с полным грузом идем спокойно, не страшен штормовой китайский ветер. Трехметровые, дымящиеся от мороза волны — сопляки в сравнении с нашим слоном.

За обедом Сэм узнал у меня, будет ли видна Фудзи. Она, видишь ли, все время скрыта от чужих. Однако кто ее увидит, тот будет счастлив. Я заверил, что да. Счастье — наше все!

На траверзе Токийского залива среди громадьа облаков разглядел в бинокль очертания священного вулкана. Грациозная мощь чувствуется по фрагменту вертикали черноснежной стены. И тут же, словно в подтверждение, пустил фонтан токийский кит. Здесь мощные течения крутят-вертят, не дают спокойно курить на крыле,

созерцающая улитку. Словно мухи, крохотные рыбацкие лодки прячутся в волнах от лучей всевидящего локатора, только и норовят выскочить перед носом, вызывая брань вахтенных помощников. На руль пришел постоять молодой матрос Паша. У Паши дед разводит пчел и всегда ходит в халате и москитной сетке. Мечта штурмана.

Утро. Породистые и сильные буксиры, словно волки, сопровождают нас к причалу. Теплый японский ветер бьет в старые лица. Опилки завершают океанский круиз.

Матросы курят папиросы на фоне Фудзи.

Хаха

Обнаружил местечко Хаха на острове Оки. Искал точку прилива-отлива во Внутреннем Японском море. Хаха есть, а чего надо — нет. Пытаюсь рассчитать течение под мостом в проливе Бисан. Вечерний вторник обещает быть томным на randevу под мостом Йо-Шима.

На мостик пришел механик. Заспорили о происхождении человека. Он за Ноев ковчег, я за обезьян. Не поругались!

Порт Нагоя. Для того чтобы добраться сюда и дальше, нужно было перелопатить кучу инструкций по морским ПДД. Учитывая мой сельский английский, работа была проделана колоссальная.

Воскресенье. Ошметки океанского прибоя вяло облизывают неприступную стенку причала. Из-за бетонного парапета торчит удочка с большим, ярким оранжевым поплавком. Японская семья выбралась на пикник. Папа, мама, бабушка и ребенок тусуются у багажника отечественного автопрома. Чинно распределены по багажнику тарелочки с рисом и остальным угощением. Рыба не ловится, но всем весело. Наблюдая в бинокль за семейной идиллией, невольно становлюсь участником. В окружении равномерно распределенных бетонных плит яркий оранжевый поплавок как центр Камуи. Пронзаю пространство и время и... обнаруживаю себя в виде реликтовой окаменелости, которые находят археологи в отложениях древней породы.

После следующего порта наша судьба непредсказуема. Команда безрезультатно строит догадки, в какой русский порт конторские боги отправят нас за очередной порцией свежачка для мирового потребления...

Смени тему размышления — и поднимешь настроение, говорю себе и начинаю мечтать о пчелах. Нашел как-то обзор жизни пчел поэта Метерлинка. Иллюстрации к этому описанию тут, за окнами: куда ни кинь взор, все сплошь упорядоченное. Подобно тому как поэт сравнивает пчелиного бога с человеком, улавливаю сравнение «умных» пчел с другим видом пчел, которые нерационально используют свои возможности: «Если сравнить одно из их гнезд с математически правильным городом наших пчел, то может показаться, что видишь поселок из первобытных хижин рядом с одним из тех неуклонно правильных городов, которые являются результатами, может быть, не лишенными грации, но логическими, человеческого гения, борющегося более ревностно, чем некогда, со временем, пространством и материей».

И как оправдание вспоминаю отступление в этом же тексте:

«Им случается иногда ошибаться, — говорит по этому поводу Реомюр, — и это — еще один из фактов, которые, по-видимому, доказывают, что они рассуждают».

Пусть рациональность останется у пчел. Я буду наблюдать за ними у себя на участке, когда состарюсь и поселюсь где-нибудь вдали от моря.

А пока... приливы и отливы.

Однако если подумать, то наше житье в море напоминает улей. Для работы я поднимаюсь наверх, для еды спускаюсь вниз, а для жизни забираюсь в свою берлогу — со-ту. Сиди и не жуужи!

Пролив Курусима

Порт Мидзушима. Остров Хонсю. Внутреннее Японское море.

День обещал быть богатым на события, когда в десять утра раздался голос капитана, объявившего о готовности к отходу. Несчастные несколько досок были выгружены днем раньше. Мы больше дожидались лоцмана, чем длилась выгрузка.

На ходу просыпаясь, бегу по трапу на кормовую палубу. Моя швартовая команда весело резвится под палящими лучами зимнего японского солнца. Причина — буксир с названием «Хер Мару». Мощный «Хер» вертит нас, словно щепку, разворачивая на выход. Моторист ГЭС сравнивает японский «Хер» с буксиром «Блюхер» в Ванинском порту, который с трудом оттягивал нас, вмерзших в причал, неделю назад.

Выйдя из гавани порта Мидзушима, мы должны войти в систему разделения движения (СРД) и следовать узким судовым ходом до большого двухстороннего СРД, где, повернув направо, пройти по проливу Бисан на запад.

Была моя вахта, и, спровадив лоцмана на «Хер Мару», я поднялся на мост, где обнаружил, что с проложенного мною пути нас сбил этот самый лоцман, предложивший капитану срезать и прошмыгнуть между островами. Оставив нам с вахтенным матросом управление, капитан уходит обедать.

Молодой матрос Паша — парень деревенский. У него хоть и написано в дипломе «Судовождение», но цена этой записи от силы десяточка. Поэтому обучаем на работе.

— Вот это рыболовная лодка на десять часов, а это рыболовная сетка на пятнадцать часов, а это буй... он прямо! Отворачиваем!

Буй оказался задрапированной рыболовной лодкой, ошестинившейся удочками.

Паша серьезно молчит, выказывая глазами понимание, и тут же сравнивает окружающий пейзаж с фьордами Скандинавии. Наша задача не впилиться в какой-нибудь фьорд или сеть.

Симпатичная яхта катамаран заставляет понервничать, когда, нарисовавшись на судовом ходе, выскакивает из-за острова перед носом.

— А где же голые распутные девки на палубе? — задается вопросом Паша, разглядывая яхту в бинокль.

— Зима, наверное, греются внутри, — я прикинул в бинокль, сколько девиц способна вместить яхта.

— Смотри лучше вперед! — наставляю своего впередсмотрящего и, как старший товарищ, пытаюсь посеять разумное, доброе, вечное:

— Я видел ролики, где на подобных яхтах люди живут и путешествуют по миру всей семьей. Там места много между поплавками, жить можно!

Пока я представлял себе ее поплавки и как там между ними, яхта осталась позади. Мы вышли из СРД Бисан и пошли вдоль буев, направляющих прямо в пасть самого опасного зверя в здешних водах — пролива Курусима. Представьте, что океан под действием солнца и луны дышит. Его грудная клетка раздувается и сжимается. Это приливы и отливы.

Есть основные легкие, а есть боковые, верхние и нижние отделы, которые тоже заполняются воздухом, но не сразу, а позже. Так Внутреннее Японское море заполняется подъемом океана, и от этого появляются внутри моря приливные и отливные течения. Море немаленькое, вытянутое поперек и три входа имеет. С востока, с запада и с юго-запада. Приливные течения гонят воду с океана с трех сторон, а посередине, но ближе к восточной дырке узкий-узкий пролив Курусима. Поскольку узкий пролив не по центру моря, уровни по разным его сторонам всегда разные.

Вот и получается, что пролив является диффузором — узким отверстием, как дырка в ванной. Здесь течения разгоняются до максимальной скорости. И еще этот пролив кривой, как вопросительный знак. Вот в чем его коварная натура. Как ходили здесь древние мореплаватели на парусных кораблях, ума не приложу!

Но покада вращается внутри нас хитрый японский двигатель под присмотром Михалыча, пожирающий отечественный нефтепродукт, нам этот пролив нипочем!

В проливе два судовых хода. Нам направо или налево? Куда — здесь диктует стихия. То есть само течение говорит и координационный центр «Курусима Мартис» вместе с ним.

Чем ближе к дырке, тем отчетливее перед нами вырастает стена гор. Сплошняком, без просвета! Как на Кавказе! Однако о проливе напоминают башни моста, торчащие над горами.

Под проливом на карте обозначен тоннель. То есть и мост, и тоннель соединяют Хонсю и Сикоку. Хочешь, поезжай верхом, наслаждаясь дивным японским горным пейзажем и проплывающими под тобой кораблями, а хочешь, если настроение дрянь, через подземелье. К этому времени капитан вернулся с обеда, и я рассказываю ему про чудеса японских коммуникаций.

— А если хочется прогуляться, то можно и пешком! Там для людей специальный тротуар отвели!

На подходе к специальной линии, обозначенной на карте, связываемся с центром. Делает это капитан, я по-английски совсем плохо говорю.

— Хорошая новость, — объявляет он, — нас будет вести за собой катер.

Я резюмирую:

— Вау! Эскортный корабль, как во время войны у конвоя!

Много таких кораблей было у Японии во время войны, один из них лежит у мыса Анастасии на Сахалине. Эх! Когда же мы до него уже доберемся!

Пролив приближается. Течение благоприятное, это значит, что нам следует выбрать восточный (правый) проход. Он-то самый узкий, всего два кабельтовых. Но центр дает указание идти западным (левым). От берега выныривает белый катер, выходит вперед, направляя нас в пролив.

Горы стремительно растут, мост уже близко, но прохода не видно. Нужно еще повернуть за островом, прежде чем появится просвет. Идем за эскортом. Резкий поворот вправо. Судно плавно входит в узкое горлышко пролива, над нами проплывает могучая конструкция пятикилометрового моста, тут же эскорт берет круто влево, и мы за ним пытаемся вписаться в вопросительный знак фарватера. Дыхание замирает. Камешки с нависающих скал падают на крыло мостика.

— У-ух, — вырывается у капитана.

— Что это было? — пытаюсь выразить невыразимое.

Паша невозмутимо молчит, недовольный отстранением от руля, но тут же просит дать ему закурить.

Курим на крыле все втроем и чувствуем себя настоящими моряками! Мыс Горн прошли, не меньше!

Пролив Каммон

Внутреннее Японское море немного ослабляет нынешнюю изоляцию моряков. Берега порой очень близко, и можно рассматривать в бинокль особенности и формы жизни в здешних краях. А сложная навигация — это тоже своего рода общение с местными мореплавателями, на основе опыта которых были выработаны особые правила и постановления, обязательные для всех сюда плывущих.

В порту Мидзушима к нам пожаловала прекрасная тоненькая девушка — судовой агент. Было неожиданно приятно увидеть представительницу прекрасного пола, услышать женский голос.

Часто слышен девичий голосок и по радио, когда нужно докладывать о своих действиях в узких проливах и других контролируемых акваториях.

Идешь так ночью, бывало. На небе звезд полно, тут же они падают в темноту. Огней вокруг невпроворот: пароходы, прибрежные города. На локаторе все звездит от кораблей. И щебечет мелодичный голосок из радиостанции, словно песню поет...

Пролив Каммон соединяет Внутреннее Японское море с большим Японским в районе Цусимского пролива. Механик, видимо, долго ждал пролива — звонит с претензией нам: мол, где обещанные берега в двадцати метрах? Скоро.

В радаре толпы одичалых стрелок неспешно выстраиваются в плавную очередь. Близко фарватер пролива Каммон. Светофор показывает зеленый. Рулим. Капитан командует, я за штурвалом, Паша смотрит. Смыкается берег. В нескольких метрах справа и слева уже можно разглядеть набережную, машины, витрины магазинов. Буквально едем по городу.

— Ресторан работает, — отмечает капитан.

Одним глазом, в бинокль, украдкой от капитана разглядываю берег. До него буквально рукой подать. Маленькие улочки, окна невысоких домов. Другим глазом сверяю курс на гирокомпасе. Было около двух часов ночи по-японски, и многие окна зашторены и без света, но не все. В некоторых таинственно светилась зашторенная жизнь. Я сверил курс, подравнялся и снова поднес бинокль к глазам.

И тут в одном, очень широком окне увидел, как люди сидят за столом. Наверное, семейный ужин. Это было, конечно, одно мгновение, может быть, пара секунд от силы. Такая вот киношная идиллия. Не знаю, может быть, мозг дорисовал некоторые детали этого вечера с видом на канал и проходящие по нему пароходы. Я поделился увиденным с капитаном и Пашей. На что кэп усмехнулся:

— Какой ужин в ночи? Нормальные люди спят давно.

— Сегодня же пятница! Японцы, как порядочные, отдыхают. Завтра и послезавтра.

И представил еще раз, как они там сидят. Большая семья. Дети, может, взрослые, а маленькие, конечно, спят. Вот о чем-то говорят или, быть может, придумывают, как провести совместный отпуск здесь, в Японии, потому что пандемия и надо поберечься, и никакого Таиланда на это лето не будет.

Навстречу бесшумно пронесся огромный танкер. Близко и быстро стремительная махина тихо разрезала ходовыми огнями бездну темноты по левому борту... И вот эта семья придумывает себе летний отпуск, а за окном проплывают железные громадины с разноцветными огнями. И конечно, кто-то из них придумал игру — угадать, куда поплывут пароходы. В океан и дальше, в холодную и сумрачную Россию, а кто-то — в жаркую Африку за бананами. В Антарктиду, в Гибралтар. А детям, спящим в другой комнате, снится парусник, и они плывут на неведомый остров в океане искать клад, зарытый Флинтон и до сих пор еще не найденный всеми романтиками мира.

Ямато

В середине Японского моря возвышенность Ямато. Ямато — это не только линкор и адмирал. Это сама нация. Дух, можно сказать.

Так долго стоим в Майдзуру на разгрузке опилок, что я вовремя успеваю сделать всю корректуру. Здесь, насколько я знаю, военная база была во вторую войну. В со-

седней бухте несколько больших военных кораблей и даже авианосец! Война войной, а так мирно и дружно здесь летает парочка — коршун и ворона. Они словно танцуют в воздухе, кружа над зелеными склонами сопков, покрытыми тисовыми лесами.

На выходе из Майдзуру расчеты механиков по топливу говорят, что стоять в Тояме под погрузкой машин долго не сможем. В результате после ожесточенных дебатов деда, капитана и компании решили, что будем экономить. Это значит, что во время стоянки не будет работать котел. То есть не будет тепла и горячей воды.

Мы с механиком вспоминаем декабрьскую Тояму, когда на выходе у нас было топлива ровно столько, чтобы дотянуть до причала во Владике, без всякого запаса.

— Ты что, не помнишь, как мы с фуры солярку сливали? — напоминает Михалыч.

Сутки перехода — и буксир «Ниночка» тычется в корму, придавливая пустой пароход к причалу Тоямы. Коршуны приветствуют, облетают судно с названием «Сокол»!

— Смотрите, Ниночка! — смеется моторист ГЭС Володя, перечитывая на свой манер название буксира.

На причале в ожидании новой жизни, запорошенные снегом, ровными рядами замерли три с половиной сотни японских машин. Все они, прежде чем попасть в другой мир, будут подвергнуты инквизиции. Великие инквизиторы плавно выходят из летаргии и появляются на палубе.

Снег коварно ложится крупными хлопьями на крышки трюмов. С новым старпомом, старым Степанычем, и мотористом ГЭС Володей идем фоткать машины.

Степаныч, вооружившись русским венником, борется со снегом. Мы с ГЭСом фоторепортеры. После часа фотосессии, мокрые, забираемся в огромный леворукий «шевроле» согреться и отдохнуть. Машина не заводится. Степаныч дымит сигаркой, стучит зубами и матерится. В проклятом американце нет пепельницы.

Ночью снегопад превратил машины-мигранты в белоснежные холмы. Три с половиной сотни белых холмов, готовые покинуть родину и начать новую жизнь в неведомой России. Их прежние хозяева бросили их на произвол судьбы, предали и продали.

На следующий день с восьми утра японцы, как всегда, раньше нас появляются на причале. Потом начинает подавать признаки жизни кран. И вот первая японка возносится над нашим пароходом с открытыми, как распростертые объятия, крышками трюма.

Добро пожаловать на борт, «тойота»-сан! В нашей стране вам будет нелегко, но интересно! И жизнь у вас будет долгая!

Бригада местных цепляльщиков то и дело придумывают себе развлечение. То они лепили снежки и оставляли их на машинах, отправляя на судно. Упадет или нет! Потом бросали снежки друг в друга. Потом включали музыку в машинах. Потом решили обстреливать наш пароход, соревнуясь в меткости. На фоне нынешней международной ситуации выглядит не так уж и безобидно.

У японцев закончился рабочий день, а у нас уборка снега с крышек трюма. За сутки его навалило сантиметров тридцать. Народ возмущается, многим стоять вахту в ночь. Полтора часа уходит на уборку.

Наконец пытаюсь уснуть в замороженной каюте. Поскольку ночью моя вахта, я сплю в общей сложности четыре часа, и с утра опять на погрузку.

Японцы свято соблюдают выходные. А у нас лимит по солярке. Поэтому надо успеть загрузить все авто сегодня. В который раз считаю, успеем или нет. Вежливый и обходительный представитель фирмы здоровается и прощается по десять раз. Он кланяется, говорит, что они не могут работать после захода солнца. А нам-то как быть?

У них профсоюзы, а у нас что? Холодные каюты, без горячей воды, и возвращение во Владик без запаса дизтоплива в шторм.

Крепим машины. Михалыч объясняет, что делать.

— Это не сложнее, чем чинить пишущие машинки, — ехидничает механик. В итоге, с учетом вахты, поспать удастся часа три.

Наутро «Ниночка» с «кавалером» наконец оттаскивают нас от причала и провожают до выхода из канала Тоямы. Во Владивосток!

Пока старпом двенадцатый час подряд корпит над грузовым планом, я смотрю на карту, где большими буквами обозначена подводная возвышенность Ямато. Над ней наш «Сокол» плывет, неся на себе три с половиной сотни машин в Новый Свет.

Владивосток

23 февраля мы возвращаемся во Владивосток. Морозный китайский ветер пружинит судно от причала. Высокий пограничник ежится в скромном воротнике и пытается вскочить на еще не приготовленный трап. Потом он долго проверяет наши документы.

Двадцать четвертое. Утро. Солнце, появившись над сопками, первыми лучами растапливает иней на лаке японок. Выгружаемся.

В телевизоре кают-компании возник озабоченный президент. Я присел выпить чаю. Фиксирую общий смысл в отдельных фразах. Ситуация на Украине... вынуждены начать спецоперацию. Булка с искусственным маслом застревает в горле. На входе в кают-компанию нарисовался огромный пятнистый охранник.

— Началось! — резюмирует он.

Выгрузка продолжается. Жизнь идет дальше. Только теперь не так. А что изменилось? Украинец, старший механик, старый Андреич сидит с грустным лицом.

Только выбрался по делу в город, как звонит начальство, предлагает перевестись на другое судно. Из-за событий на Украине и ограничения перелетов сменщик на том пароходе задерживается, а судно вот-вот должно выйти в Китай.

Приходится соглашаться. Возвращаюсь собираться, так как выход в море в полночь из Находки, а до нее еще добираться. Вообще-то, не очень спешу, пытаюсь насладиться маленьким путешествием на городском автобусе по уже почти весеннему Владивостоку. Умиляет присутствие рядом множества людей, я им радуюсь и улыбаюсь. Солнце греет через стекло, и суетно мелькают за окном знакомые улицы и переулки неровного, шероховатого Владика.

Вернувшись на судно, пытаюсь собираться, упаковывать свои коробочки и доделывать дела...

Появился новый капитан. Судно огласилось рыком. Полетели рожки да ножки неугодных моряков.

Призраки пролива Чеджу

Поздно вечером втроем на такси отправляемся в Находку.

Подъезжаю со своими коробочками к месту старта и узнаю сгорбленную фигуру бывшего деда с нашего парохода. Кожаная куртка, кожаный портфель, кожаная кепка, и из-под нее элегантно дымит окурочек. Через десять минут подруливает новенький белоснежный джип. Это моториста ГЭС привезла жена. Три часа ночного полета, и мы в Находке, у проходной порта. Здесь еще один моторист целуется с любимой, прибавляется к нашей компании. Огромная заспанная вахтерша грозит не пустить, если мы будем долго «рассусоливать».

От проходной до судна пара километров. Растягиваемся по темному порту в направлении, указанном вахтершей. Самый старший, стармех, оказывается впереди всех со своим чемоданом на колесиках. Я со своим двадцатикилограммовым ноутом отстаю.

Вот и пароход. Маленькая каютка. Старое оборудование на мостике, шустрый сменщик, второй помощник, признается, что это он отказался идти в рейс. Девятый месяц пошел. Вот почему меня так резко сдернули с моего парохода. Его сменщик из-за отмены авиасообщения не смог прилететь из Симферополя.

Очень хочется спать. Подписываю бумаги, отпустив сменщика, не мучая себя и его.

Выход из Находки в Китай — сумасшедшие деньки. Сначала оформление отходных документов вынесло мозг мне и агенту, потом китайцы завалили бесчисленными подходящими документами, которые я должен был мигом подготовить и отправить. С китайцами не совладал. А еще план перехода, прокладка, и еще, до кучи, ходовые вахты. На сон времени практически нет. За китайские документы со страшной руганью капитан взялся сам.

В общем, не выдержал нагрузки. После выхода в море заперся в каюте и выдул оставшийся от предшественника коньяк. Пара часов кайфа — и в итоге отстранен от одной ходовой вахты. Бонусом презрение от кэпа и старпома, однако на первый раз прощен.

Проехали Японское море.

Вхожу на своей вахте в Корейский пролив. Через Западный проход. Тот самый, который 4 июня 1945 года девять подлодок прошли под минными полями японцев. Смотрю на море и пытаюсь представить как. С тем оборудованием! Это надо было суметь!

Ну а сейчас нас атакуют рыбаки-кальмарщики на шустрых шхунах. Несутся наперез и начинают кружить перед носом. Я нервничаю, не отхожу от локатора. Капитан вспоминает другого своего штурмана, у которого коленки тряслись при виде рыбаков. Напоминаю ему про случай в Кунаширском проливе, когда наш траулер раздавил японских рыбаков, и штурман оказался в тюрьме. Он успокаивается и уходит. Так спокойнее. Слава богу, и кальмарщики не вечны.

Проходим пролив Чеджу. Ночь прекрасна. Почти никого поблизости, только кальмарщики светятся далеко цепочкой на невидимой черноте горизонта. Близкие звезды заглядывают в иллюминаторы мостика. На радаре АИС беспризорно блуждают по экрану зеленые треугольники — цели от судов. Это так называемые призраки. Они появляются, на мой взгляд, от погрешностей оборудования. Хотя старпом уверен, что это место тут такое. Я с ним не согласен, потому что вижу: на картографии цели расположены правильно. Не хочу спорить со старпомом. Меньше слов — спокойней вахта!

В каюте засыпаю под фильм «Lost girls, love Hotel», который почему-то переводчик представил как «Все оттенки Токио».

— Отведешь меня в отель? — спрашивает героиня у незнакомца ночью в пустом подземном переходе. В этот момент по экрану телефона пробегает тень муравья. Это мои соседи по комнате в отеле. Такой плавающий отель, он мечется по водам от берега к берегу. У героини фильма фобия — сбежать подальше от дома. Они мчатся в поезде, а за окном громада Фудзи. Щелкает в памяти Новый год с видом на гору на стоянке в японском порту Симидзу. Муравьи на склонах Фудзи. И я — муравей среди муравьев, делаем одно дело. И только хаос знает для чего.

Чертова поправка гирокомпаса! Капитан дал задание за два дня освоить ее вычисление. Было замечание от инспектора в Находке. Двадцать первый век, а тут считай эту поправку по звездам.

Отыскал в своем архиве обучающие видеоролики. Какая скука эти вычисления! Лучшее снотворное! Надо перелопатить с десяток астрономических таблиц, прежде чем добьешься результата. Обидно, что никто не хочет и не может толком объяснить, как это сделать. Старпом не знает, а капитан, видимо, сам забыл. Но ругается, что мы

ничего не знаем. Капитан всю жизнь в морях, и ему с высоты опыта негоже объяснять такие вещи.

В Желтом море заметно теплее. Ночью сменяю капитана. С юга на север и обратно прут бесформенным хаосом большие и маленькие суда. Мы пересекаем этот поток поперек. В принципе ничего сложного. Расходимся, как учили. Потом снова никого — и тишина. Потом туман. Потом старпом.

Жирной синей линией на карте обозначена экозона, где мы обязаны перейти на низкосернистое топливо. Еще несколько часов — и Циндао, но прежде встаем на якорь.

Я в это время смотрю сны, в которых работаю на огромном круизном лайнере. Мы плывем на нем по горной китайской реке, преодолевая встречные потоки и водопады. В итоге лайнер тонет, но все живы. Просыпаюсь с облегчением, что никто не погиб, и пытаюсь вспомнить, была ли в этом сне романтическая история. Должна же была быть очаровательная пассажирка. Наверное, она меня опоила, и я все забыл.

Выбираюсь на палубу. Тишина почти абсолютная. Вокруг гладь моря, туман и сквозь него теплый свет солнца. Из дымки проступают очертания соседей по якорю — гиганты контейнеровозы. Легкий ветер над головой развеивает большое красное знамя. Ох ты, елки зеленые! Призрак коммунизма эмигрировал на юг вслед за белой гвардией. Через столетие ему тут тепло и богато.

Заходим в порт в тумане по узенькому фарватеру. Появляются высоченные башни небоскребов.

— Америка! — кивает на них капитан.

Лоцманский катер, с ревом загибая резкий поворот, прислоняется к нашему борту.

— Моща!!! — восхищаются матросы, спуская трап.

Лоцман — инопланетянин, в белом скафандре со шлемом и маской. Отказывается заходить внутрь надстройки, поднимаемся по внешнему трапу.

Матросы удивляются, что я никогда не был в Китае.

В порту сплошь военные суда, подводные лодки. Красный флаг развеивается над нами...

Снова в Тояму

Рейд Владивостока. Пятый день кружимся в четвертой точке. Направо город, район Чуркина, налево — остров Русский. По корме ворота в океан, мост.

После Китая почти всю команду списали на берег. Мне замены не найдут, хотя я уже два дня сижу на своем чемодане — упакованном в большую коробку системнике с монитором.

Капитан бесит. Стармех бесит. Старпом не бесит, потому что его нет. Поговорить не с кем. С любимой порвал. Бывшая, мама дочки, контакт заблокировала, поэтому с дочкой не общаюсь. Мама тоже не отвечает. На пароходе поговорить по душам ни с кем не получается. Они все другие, разговаривают как на чужом языке.

Все время пытаюсь угадать, как пообедать, чтобы кэп не скрипел в уши. Не удается. Только я прихожу на обед, и тут же за мной появляется лысая башка. Начинается словесная маета. Я молчу. Ем. Знаю, что возражать бесполезно. Потом приходит дед, и маета удваивается. Еще полтора месяца этой пытки. Уже списали бы.

Сегодня снился сон, как я выучился на агронома и поехал в деревню сеять поле. Но что-то не пошло. Поле засеять не получалось. Но я не отчаивался. Пошел и записался в университет. Помню, там была красивая однокурсница. И мы вместе изучали агрономию.

Интересно, в 47 лет можно начать переучиваться из судоводителя на агронома?

Я понимаю, что дело не в профессии. Дело во мне. Но что делать! Делать-то что-то надо!

Вот они выползают из тумана, голубчики, на катере. Старпом этот опять. Уходим, уходим, уходим.

Тояма. Традиционно нас встречают «Ниночка» и коршуны. Погрузили машины. Старпом орал на погрузке, как потерпевший. Капитан тихонечко сидел на мостике. Я фоткал машины в первый день. Ночью дежурил на мостике. Утром поспал всего три часа.

Потом старпом предложил мне не лезть в трюм, а быть на подхвате на мосту. А после погрузки объявил, чтобы я не обижался: поскольку он не внес меня в список тех, кто участвовал в погрузке, я не получу деньги за погрузку. Вот это меня уже крайне взбесило. Я сказал, что не согласен, на что был послан подальше. Однако капитан согласился, что за фотографирование я должен получить отдельно.

Сегодня капитан бесил. Уже выработалось отвращение к обоим — к кэпу и к старпому. Оба орут, оба обвиняют всех вокруг, кроме себя. Уже сил никаких нет их терпеть. О Боже, пусть это наконец закончится и забудется все, как страшный сон.

...Проснулся на подходе к Владивостоку. Огромный тупоугольный полигон нарисовал на картографии у Владика. Военные опять стреляют, мирным пароходам проход закрыли, приходится протискиваться через пролив Аскольд.

Старпом совсем слетает с катушек. Потом остывает и становится нормальный. Кэп — старый хрыч, кое-как уговорил его отпустить меня в город. Испортили мне все настроение. Еще раз убеждаюсь в том, что на флоте большинство штурманов — психи. Я и сам такой. Только я скрытый псих. Не люблю кулаками махать. В городе накатил коньячку. Без настроения. Вернулся менять старпома. Этот тоже, видать, накатил. Никак с моста не уходит, читает свои наставления. Потом войну стал вспоминать. Намешано у него. То он моряк, то солдат. Убитые и разорванные тела друзей вспоминает.

Ты, говорит, Санек, как поп. Тебе в попы надо! Ты слушаешь хорошо. И как давай реветь! Я такого не видывал. Здоровый мужик, десантник, разведчик. Мурашки по спине побежали и пот...

Пришел новый старпом,
И стол стал похожим на стол.
А не на кучу из карт,
Журналов и всяких бумаг.
А вот когда приедет второй?
Про то скажи мне, туман!
В конторе нашей обман.
И ловкий, изящный роман
Читаю, чтобы уснуть.